

Светлана Мулина

<https://orcid.org/0000-0002-4149-0291>

Омский государственный технический университет

Правовые практики Российской империи в отношении пленных барских конфедератов

**Praktyki prawne Imperium Rosyjskiego wobec jeńców –
konfederatów barskich**

Legal Practices of the Russian Empire towards Prisoned Bar Confederates

Аннотация: В статье на основе законодательных актов, дипломатической переписки и архивных документов реконструируется трансформация правового статуса пленных конфедератов. Автор полагает, что на отношение к конфедератам оказывали влияние главным образом внутриимперские факторы: опыт обращения с польскими военнопленными XVII века и социально-политические процессы в государстве. Влияние внешнеполитического фактора в большей степени ощущалось до первого раздела Речи Посполитой, при этом изменения позиции Петербурга по вопросу раздела не отражались на положении военнопленных. После 1772 г. правовая практика в отношении конфедератов пошла по пути законодательства о пленных турках и татарах и была направлена на инкорпорацию поляков в состав империи. Наибольшие проблемы в этом отношении вызывал религиозный вопрос. В целом, анализ правового статуса конфедератов в империи позволяет говорить, что власти рассматривали их как военнопленных, а не политических ссыльных.

Abstrakt: W artykule na podstawie aktów prawnych, korespondencji dyplomatycznej i dokumentów archiwalnych została zrekonstruowana transformacja statusu prawnego przebywających w niewoli rosyjskiej konfederatów barskich. Autorka przypuszcza, że wpływ na stosunek do konfederatów barskich miały przede wszystkim czynniki wewnętrzne Cesarstwa Rosyjskiego: doświadczenie w traktowaniu polskich jeńców wojennych z XVII wieku oraz procesy społeczno-polityczne mające miejsce w państwie rosyjskim. Wpływy czynnika w postaci polityki wewnętrznej były odczuwalne przede wszystkim w okresie do pierwszego rozbioru Rzeczypospolitej, przy czym zmiana stosunku Petersburga w kwestii rozbioru nie znalazła odzwierciedlenia w sytuacji jeńców. Po 1772 r. praktyka prawna w stosunku do konfederatów przyjęła taki sam kurs jak akty prawne dotyczące jeńców tureckich i tatarskich i dążyła do wcielenia Polaków w skład Cesarstwa. Najwięcej problemów pod tym względem sprawiała kwestia wyznania. Ogólnie, analiza statusu prawnego konfederatów w Cesarstwie pozwala na stwierdzenie, że władze uważały ich za jeńców wojennych, a nie zesłańców politycznych.

Abstract: Based on legal acts, diplomatic correspondence, and archival documents, the article reconstructs the transformation of the Bar Confederates' legal status in Russian captivity. The author supposes that the attitude towards the Bar Confederates was influenced mainly by the internal factors of the Russian Empire: the experience of the

treatment of Polish prisoners of war from the 17th century and the socio-political processes taking place in the Russian state. The factor's influence in the form of internal politics was felt primarily in the period up to the first partition of the Republic, with the change in St Petersburg's attitude to partition not being reflected in the situation of the prisoners of war. After 1772, legal practice concerning confederates took the same course as the acts relating to Turkish and Tatar prisoners of war and sought to incorporate Poles into the Empire. The most problematic issue in this respect was that of religion. In general, an analysis of the legal status of confederates in the Empire makes it possible to conclude that the authorities regarded them as prisoners of war rather than political exiles.

Ключевые слова: Барская конфедерация, польская ссылка, военнопленные, поляки в Сибири

Słowa kluczowe: konfederacja barska, zesłanie polskie, jeńcy wojenni, Polacy na Syberii

Keywords: Bar Confederation, Polish exile, prisoners of war, Poles in Siberia

В ходе борьбы с Барской конфедерацией вглубь Российской империи было выслано по разным данным от 5 до 10 тысяч пленных. Несмотря на то, что конфедераты фигурировали в законодательстве как военнопленные, они вошли в польскую историю и социальную память как представители первой волны польской политической ссылки, открывшие Сибирь для следующих поколений польских патриотов¹. Михал Яник подчеркивал: „Поляки, оказавшиеся в Сибири в более ранние времена, были прежде всего военнопленными, – а ссыльные конфедераты и их последователи являлись одновременно жертвами шляхетского порыва в защите пошатнувшейся или утраченной независимости”². Ссылка последней трети XVIII в. рассматривалась как следствие вмешательства России во внутренние дела другого государства и расценивалась как политические репрессии, к которым в отношении жителей Речи Посполитой Россия прибегала еще до начала Барской конфедерации³. При этом применять к жителям другого государства наказание, используемое Россией в отношении собственных подданных, не было правовых оснований. „Это дело было беспрецедентным и скандальным, – отмечала Эльжбета Качиньская, – Екатерина II вмешивалась в дела Польши от имени польского короля, поэтому

¹ С.А. Мулина, *Барские конфедераты в современной польской памяти и историографии*, „Новая и новейшая история”, 2018, № 5, с. 160–170.

² М. Janik, *Dzieje Polaków na Syberii*, Warszawa–Wrocław 1991, с. 49–50.

³ В частности, были вывезены и удерживались в Калуге оппозиционные сенаторы гетман Вацлав Жевуский с сыном Северином – послом сейма, епископы Каэтан Солтык и Юзеф Залусский.

восставшие против короля, должны были нести ответственность и наказание на территории своей страны. Это было явное вмешательство в дела внешне независимого государства, нарушающее прежние гражданские гарантии⁴.

Данный подход способствовал героизации, виктимизации конфедератов, а в некоторых случаях позволял экстраполировать на них выводы, сделанные историками на основе более изученной польской ссылки XIX столетия. Одновременно за пределами внимания исследователей оказывался предшествующий опыт обращения империи с военнопленными и международная обстановка эпохи разделов Речи Посполитой. Более продуктивным представляется подход, предложенный польским историком Анджеем Новаком, рассматривающим ссылку как часть имперской политики России, своеобразный механизм трансфера политических и правовых практик в отношении различных народов и окраин Российского государства⁵. Подобный ракурс позволит не только вписать ссылку конфедератов в логику имперской политики России, но одновременно увидеть ее специфику и уникальность.

Начало ссылки барских конфедератов связывают с указом Екатерины II, объявленным 22 мая 1768 г. в Варшаве через российского посла Н.В. Репнина⁶. В нем говорилось, что российская армия получила приказ брать под стражу мятежников и поступать с ними как с неприятелями Российского государства и своей собственной родины и нарушителями спокойствия, преследовать их и карать⁷. Случаи, когда в сибирской ссылке оказались конфедераты, взятые в плен ранее этого указа, и даже в феврале 1768 г., объясняются тем, что до отправки в Сибирь пленные содержались длительное время в Киеве, Полонном и других сборных пунктах, но на восток были отправлены только после появления майского указа⁸. Важным шагом к расширению практики ссылки стало начало Русско-турецкой войны, в условиях которой оставлять пленных

⁴ E. Kaczyńska, *Wstęp*, в: *Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach Polaków 1815–1914*, ред. A. Brus, E. Kaczyńska, W. Śliwowska, Warszawa 1992, с. 58.

⁵ A. Nowak, *Metamorfozy Imperium Rosyjskiego 1721–1921. Geopolityka, ody i narody*, Kraków 2018, с. 175.

⁶ A. Kraushar, *Konfederaci barscy na Syberii (1774)*, Kraków 1895, с. 11.

⁷ *Deklaracya ze strony jej imperatorskiej mości całej Rosyi, jego królewskiej mości i rzeczypospolitej polskiej uczyniona*, в: *Materiały do konfederacyi barskiej r. 1767–1768: z niedrukowanych dotąd i nieznanych rękopisów*, т. 1, обр. Sz. Morawski, Lwów 1851, с. 135.

⁸ С.А. Мулина, *К вопросу о численности ссыльных барских конфедератов в Сибири*, в: *Nie tylko w Wielkopolsce. Materiały z konferencji „Za wiarę i wolność” w 250. rocznicę konfederacji barskiej*, ред. B. Judkowiak, W. Ratajczak, Poznań 2022, с. 119–120.

вблизи границы было „подвержено разным неудобствам”⁹. Спустя месяц военных действий Екатерина II, в ответ на донесение киевского губернатора Ф.М. Воейкова о приводе в Киев 752 пленных конфедератов и гайдамаков из Польши, наложила резолюцию: „Прикажите всех отправить во внутренние российские города”¹⁰. Командующему 2-й армией генерал-аншефу графу П.А. Румянцеву был выслан рескрипт, в котором приказывалось всех дворян и обер-офицеров отправить в Казань. Казанскому губернатору следовало разместить пленников в городах своей губернии и установить за ними надзор. Рядовых распределить в службу, „дабы на них напрасное иждивение не шло”, а при недостатке вакансий отсылать конфедератов далее в Сибирь к тобольскому губернатору¹¹.

Историки отмечают, что несмотря на вышеуказанные распоряжения, отношение российских властей к пленным конфедератам первоначально оставалось достаточно либеральным, и если конфедераты давали обещание не сражаться против российских войск, то их отпускали, даже когда они снова переходили польско-российскую границу в Малороссии и повторно попадали в плен¹². Так при взятии Бердичевской крепости в начале июня 1768 г. из 1861 взятых в плен конфедератов, 7 офицеров и 264 рядовых коронного войска были отправлены к региментарю графу Браницкому, 379 шляхтичей отпущены со взятием с них реверсов; также освобождены были „взятые из простых людей пленные, за коих владельцы их подписались, что больше они у возмутителей не будут, и они близко тех мест держаться не станут”¹³. Возможно, в начале военных действий против конфедератов, когда Петербург старался сохранить российский протекторат, трактат о гарантии и добиться разрешения возникшего кризиса путем компромисса с магнатскими группировками¹⁴, освобождение пленных рассматривалось как один из способов добиться

⁹ Рескрипт генер.-аншефу гр. Румянцеву. 22 ноября 1768 г., в: Сборник Императорского Русского исторического общества, Санкт-Петербург 1893, т. 87: Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II, ч. 5: 1768–1769, с. 214.

¹⁰ Собственноручная резолюция императрицы, в: там же, с. 214.

¹¹ Рескрипт генер.-аншефу гр. Румянцеву 22 ноября 1768 г., в: там же, с. 215.

¹² W. Jewsiewicki, *Zesłanie konfederatów barskich na Syberię i do Kraju Orenburskiego*, „Niepodległość i Pamięć”, 1998, № 11, с. 15.

¹³ Журнал генерал-майора и кавалера Петра Никитича Кречетникова, главного командира корпуса Ея Императорского Величества, Императрицы Всероссийской, о движении и военных действиях военных в Польше в 1767 и 1768 годах, в: Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1863, июль–сентябрь, кн. 3, с. 165, 166.

¹⁴ См. Б.В. Носов, *Российская гарантия государственного устройства шляхетской Речи Посполитой и политика России в Польше в начале восстания Барской конфедерации (1768 год)*, „Славянский альманах”, 2022, № 3–4, с. 12–55.

лояльности польской элиты. Заинтересованность в этом сохраняется даже когда Петербург принял решение об участии в разделе Речи Посполитой, что произошло, как полагают историки, осенью 1770 г.¹⁵ В инструкции, данной Екатериной II российскому послу в Варшаве Каспару Сальдерну 5 мая 1771 г., было сказано, что он может принять решение об освобождении того или иного лица, когда ясно увидит „настроение актеров” и сочтет, что такой шаг произведет благоприятное впечатление¹⁶. А в декларации, опубликованной в Варшаве 13 мая 1771 г., К. Сальдерн призвал к примирению не только „благонамеренных” поляков, но также тех, кто взялся за оружие „для предохранения себя от мнимых опасностей”¹⁷, чем, по мнению историков, „фактически гарантировал амнистию конфедератам”¹⁸. В июне 1771 г. К. Сальдерн узнал, что раздел Речи Посполитой стал делом решенным, но лишь в апреле 1772 г., уже после подписания Петербургской конвенции между Россией и Пруссией, настоятельно посоветовал Екатерине II применить строгое наказание ко взятым в плен польским конфедератам, которых до сих пор отпускали на поруки¹⁹.

Однако еще ранее, в среде российского командования возникают разногласия по вопросу отношения к пленным. Например, летом 1768 г. после взятия Кракова генерал-майор П.Ф. Апраксин полагал, что пленные защитники города находятся в таком страхе и отчаянии, что достаточно заставить их дать присягу, и они наверняка будут ей верны. Оставить под стражей, по его мнению, следовало лишь ротмистров вновь созданных знамен, городских, замковых солдат и милицию князя Е. Любомирского. Репнин же настаивал, что конфедератов нельзя отпускать без ведома императрицы, поскольку они нарушают рецессы²⁰.

¹⁵ D. Dukwicz, *Czy rozbiór był wstrząsem? Problem reakcji społeczeństwa szlacheckiego Rzeczypospolitej na zabór części terytorium oraz utratę suwerenności w okresie pierwszego rozbioru, w: My i oni. Społeczeństwo nowożytnej Rzeczypospolitej wobec państwa*, ред. W. Kriegseisen, Warszawa 2016, с. 358.

¹⁶ П.В. Стегний, *Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795*, Москва 2002, с. 573.

¹⁷ С.М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. 28: *История России в царствование императрицы Екатерины II*, т. 4, Москва 1878, <http://www.spsl.nsc.ru/history/solov/main/solv28p3.htm> (дата обращения: 10 III 2023).

¹⁸ П.В. Стегний, *Разделы Польши...*, с. 126.

¹⁹ Собственноручная записка императрицы к графу Н.И. Панину, в: *Сборник Императорского Русского исторического общества*, Санкт-Петербург 1904, т. 118: *Политическая переписка императрицы Екатерины II*, ч. 7: 1772–1773, с. 65.

²⁰ W. Mączyński, *Dziennik zdarzeń w mieście Krakowie w czasie konfederacji barskiej pisany przez Wojciecha Mączyńskiego kupca i obywatela krakowskiego*; изд. W. Konopczyński, Kraków 1911, с. 50.

Сомнения в эффективности тактики освобождения пленных высказывала также императрица. На копии письма князя Н.В. Репнина генералу М.М. Измайлову от 24 октября/4 ноября 1768 г., в котором говорилось, что мстиславские повстанцы высказали желание отойти от конфедерации и дать рецессы, Екатерина II написала: „На завтра сих рецесов они сделаются теми же возмутителями, а еслиб схватя да в Сибирь на поселение, то б уменьшилося бы число их”²¹. Со временем позиция российского военного руководства ужесточается. По данным генерала П.Н. Кречетникова, на допросах пленные в один голос утверждали, что были силой взяты конфедератами в войско, и понять, так ли это, было практически невозможно. Чтобы пресечь „сей у всех вкореняющийся возмутительной дух” Кречетников стал бесплатно брать провиант и фураж из деревень, где проживали находившиеся у него в плену конфедераты, вынуждая их тем самым давать подписки, что они не поддерживают конфедерацию²². По приказу А.В. Суворова от 25 мая 1770 г. с пленных шляхтичей, участвовавших в конфедерации, брали реверсы и отпускали только тогда, когда они представляли поручителя из духовенства, каноников от монастырей, имеющих деревни. В случае повторного изобличения в связях с конфедератами поручители тоже несли ответственность, а с деревень взыскивался „произвольно налагаемый штраф”²³. В целом практика освобождения пленных имела место в течение всего периода борьбы с конфедератами, но ее масштабы оценить сложно. В рапортах А.В. Суворова подобные случаи упоминаются крайне редко и, как правило, касаются незначительных по объему групп. Например, 2 октября 1770 г. он сообщал, что разбил партию конфедератов, и человек тридцать пленных были распущены; затем, в январе 1772 г. приказал обозначенных в рапорте полковника Шепелева „мятежничьих сообщников” забрать и на первый случай, взяв с них рецессы, отпустить по домам²⁴. С другой стороны, дурную славу грабежами

²¹ Копия с письма кн. Репнина к ген.-майору Измайлову, в: *Сборник Императорского Русского исторического общества...*, т. 87, ч. 5, с. 193.

²² *Журнал генерал-майора и кавалера Петра Никитича Кречетникова...*, с. 135–136.

²³ 1770 г. мая 25 – Приказ А.В. Суворова на все посты об отпуске конфедератских перебежчиков по получении с них поручительств от духовенства, в: *Материалы для истории русской армии. Русские полководцы, Сборники документов под общей ред. А.В. Сухомлина, В.Д. Стырова*, т. 1: А.В. Суворов, Москва 1949, с. 257–258.

²⁴ 1770 г. октября 2 – Рапорт А.В. Суворова И.И. Веймарну о погоне за отрядом Бенклевского и возвращении в Люблин, в: там же, с. 303; 1772 г. января 15 – Приказ А.В. Суворова на все посты с указаниями о дальнейших действиях, в: там же, с. 484.

и жестокостью по отношению к конфедератам заслужил командир Венгерского гусарского полка И.Г. Древиц²⁵.

Конфедераты распоряжением Сената были включены в войско солдатами. Если по причине здоровья пленный был не годен к несению службы, его оставляли на жительстве с выплатой кормового довольствия: шляхте – пять коп. в день, а представителям непривилегированных сословий – две. Зачисление в полки сопровождалось присягой на верность императорской России. Подобная практика использования польских военнопленных для пополнения военных гарнизонов на азиатских окраинах империи формируется еще в XVII в. Уже тогда местная администрация оценила их жизненный опыт, культуру и знание военного дела, открыв им путь в высшую категорию сибирского служилого сословия – дети боярские²⁶. В последствие представители каждой волны польских ссыльных вплоть до введения всеобщей воинской повинности в России использовались для пополнения войска. По решению Смоленской комиссии группа участников восстания Т. Костюшко была отправлена рядовыми в гарнизоны Оренбургского департамента и полевые войска наместничеств Европейской России, пленные воины наполеоновской армии служили в сибирских гарнизонах²⁷. И каждый раз имперский эксперимент оценивался как удачный. Так генерал-губернатор Западной Сибири И.А. Вельяминов, предлагая зачислить пленных участников Ноябрьского восстания, служивших в кавалерии, на службу в Сибирское линейное казачье войско, напоминал, что поляки – участники наполеоновских походов служили в казачьем войске „весьма хорошо”²⁸.

Интересно, что сами конфедераты сравнивали свое положение не с польскими военнопленными XVII в., а с более близким по времени примером – ссыльными воинами Карла XII, тем более что некоторые из них все еще проживали в Сибири. С одним из них встретился в Тобольске французский офицер, состоявший на службе Барской конфедерации,

²⁵ А. Драгомиров, „Наука побеждать” Суворова, в: *Не числом, а умением! Военная система А.В. Суворова*, Москва 2001 (Российский военный сборник, вып. 18), с. 266.

²⁶ См. А.А. Люцидарская, *Служилые поляки в Томске (по материалам XVII столетия)*, в: *Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы*, сборник материалов Международн. научн. конфер., Иркутск 2001, с. 106–108.

²⁷ См. С.А. Мулина, *География польской ссылки в Сибири в девяностые годы XVIII века / Geografia polskiej zsyłki na Syberię w latach 90. XVIII wieku*, „Niepodległość i Pamięć”, 2017, № 4 (60), с. 45; *eadem*, *Повесть о восьми трубачах. Польские военнопленные 1812–1813 годов в Сибири*, „Родина”, 2013, № 11, с. 79–81.

²⁸ Российский военно-исторический архив (далее: РГВИА), Главное военно-судное управление, ф. 801, оп. 64/5, д. 5, л. 118.

Август Тесби де Белькур. После разговора со старым шведом Белькур приходит к заключению, что положение конфедератов в Сибири намного лучше, чем пленных каролинов, которых принуждали к строительству крепостных стен и каналов. В подтверждение он приводит слова сибирского губернатора Д.И. Чичерина, повторявшего, что императрица „слишком добра, потому что не относится к полякам так, как относились к шведам”²⁹. При этом, сами французские офицеры, по мнению Белькура, находились на особом положении: их трактовали как прусских офицеров, взятых в плен во время семилетней войны 1756–1763 гг., и выдавали половину жалования согласно чину³⁰.

Положение военнопленного было связано с различного рода ограничениями, которые действовали до окончания военных действий и заключения мирных кондиций. Они распространялись на свободу передвижения, свободу переписки, свободу выбора занятий и т.д. Важным фактором, определявшим специфику политики по отношению к военнопленным разных стран, являлась их религиозная принадлежность. Наиболее мягкой была политика в отношении христиан-некатоликов. Указом от 16 ноября 1769 г. предписывалось по примеру Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. принимать присланных из действующей армии волохов, греков, армян и раскольников „с ласкою а не яко пленных”, предоставляя им возможность избрать образ жизни в Российской империи: поселиться в Екатерининской провинции или Малороссии или определиться в Молдавской гусарский полк, или же отправиться в другие места империи для какого-либо промысла или службы³¹. По отношению к пленным шведам власти демонстрировали толерантность, удовлетворяли их просьбы о присылке священников для проведения служб, открыли в Тобольске в 1713 г. кирху. Однако в частной жизни религиозная свобода нарушалась и прежде всего по отношению к депортированным жителям прибалтийских провинций и рядового состава шведской армии³². Иную политику проводили по отношению к пленным в ходе многочисленных русско-турецких войн мусульманам. Пленных турок всячески склоняли к переходу в православие, что было равносильно принятию российского подданства и делало

²⁹ F.A. Thesby de Belcour, *Dziennik francuskiego oficera w służbie Konfederacji Barskiej i syberyjskiego zesańca*, ред. М. Skrzypek, Warszawa 2016, с. 42, 43.

³⁰ Там же, с. 54.

³¹ *Полное собрание законов Российской империи*, Санкт-Петербург 1830 (далее: ПСЗРИ, С.-П. 1830), т. 18, № 13.383, 16 XI 1769, с. 1018.

³² Г.В. Шебалдина, *Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII века*, Москва 2005, с. 59–63.

невозможной их репатриацию³³. Например, по высочайшему указу от 20 апреля 1770 г. пленных турок и татар, воспринявших греко-российскую веру, велено было считать вольными людьми, оставляя им право избирать род жизни, и при крещении каждому давать крест из сиротской суммы по 3 руб.³⁴ Примечательно, что спустя два дня Военная коллегия представила доклад, где испрашивалось разрешение крестить „забранных из Польши мятежников”, если они выразят желание. Но Сенат не стал принимать решение по этому вопросу, поскольку еще не было случая, чтобы кто-то из числа пленных конфедератов высказал желание принять православие³⁵. Возможно, что в условиях неопределенности будущего Речи Посполитой, Петербург не спешил оформлять правовой статус польских пленнх в империи. Власти ограничились указом Военной коллегии называть польских пленнх и записывать в реестрах не „бунтовщиками” и „возмутителями”, как это делали прежде, а более нейтральным с политической точки зрения термином – „конфедераты”³⁶.

Попытки законодательно описать права пленнх конфедератов появились только после первого раздела Речи Посполитой. В центре обсуждения снова оказался религиозный вопрос. В декабре 1772 г. сибирский губернатор Д.И. Чичерин обратился с просьбой к тобольскому епископу Варлааму I разрешить присланному из Казани патеру исполнять религиозные обряды находящимся в Сибири польским военнопленным³⁷. Епископ ответил, что из Иркутска и Тобольска поступают сведения о поляках, которые проклинают своих соотечественников, принявших православную веру, и, если полякам нужен храм, то поставить его следует за городом, по примеру Немецкой слободы в Москве³⁸. Тогда Д.И. Чичерин ограничился тем, что обязал поляков подписками, не прельщать в свой закон жителей Сибири³⁹.

³³ В.В. Познахирев, *Эволюция положения турецких военнопленнх в России в конце XVII – начале XX в.*, „Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета”, 2011, № 3 (19), с. 145.

³⁴ ПСЗРИ, С.-П. 1830, т. 19, № 13.450, 20 IV 1770, с. 55.

³⁵ Российский государственный исторический архив, Совет при Высочайшем дворе, ф. 1146, оп. 1, д. 1, л. 207.

³⁶ См. K. Lubicz Chojecki, *Pamięć dzieł polskich. Podróż i niepomysłny sukces Polaków*, ред. A. Kuczyński, Z.J. Wójcik, Bagno et al. 1997, с. 60.

³⁷ Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее: ГУТО ГАТ), Тобольская духовная консистория, ф. И156, оп. 2, д. 3038, л. 1а.

³⁸ Там же, л. 3.

³⁹ Там же, л. 4.

Следующий шаг был сделан в январе 1773 г. Поскольку из различных городов стала поступать информация о переходе конфедератов в православие, по инициативе Синода был принят указ, предписывающий не посылать крестившихся конфедератов в Сибирь и Оренбург, а оставлять их в Казани в качестве „вольных людей” и находить им соответствующие должности по усмотрению казанского губернатора⁴⁰. Хотя в указе 1773 г. речь шла о тех конфедератах, которых еще не отправили в Сибирь, в самой Сибири, по-видимому, это распоряжение было воспринято как возможность облегчения участи, и в 1773–1774 гг. конфедераты массово стали переходить в православие⁴¹. Конфедерат, принявший православие, получал статус „вольного конфедерата” и возможность оставить службу, но пленные не спешили этим воспользоваться, поскольку служба давала постоянный доход в виде жалования и провианта.

В дальнейшем появляются несколько указов, поощрявших переход пленных в православие, причем их действие распространялось не только на конфедератов, но также турок и татар. В частности, согласно указу от 10 января 1774 г. предписывалось выдавать принявшим православие пленным туркам, татарам и конфедератам по 18 рублей „ради приобщения” к вечному поселению в Сибири и обзаведения домами⁴². Денежные выплаты стали мощным стимулом для перехода в православие. К. Хоецкий вспоминал, что, когда стало известно об этом указе, „не было дня, чтобы не пришло наших шестеро или семеро разом в канцелярию просить о принятии их в религию”. Им всем было разрешено жениться и искать работу⁴³.

В сентябре 1773 г. выходит указ об освобождении пленных польских мятежников и находящихся между ними французов. Появление амнистии можно рассматривать как следствие окончания военных действий против конфедерации, что в целом происходит к концу 1772 г., и ратификации сеймом Речи Посполитой итогов первого раздела (январь 1773 г.). Это еще раз подчеркивает, что власти видели в конфедератах прежде всего военнопленных. При отправке на родину от поляков следовало взять письменные обещания, что они против России никогда не поднимут оружия и будут беспрекословно повиноваться всем установлениям

⁴⁰ ПСЗРИ, С.-П. 1830, т. 19, № 13.935, 10 I 1773, с. 699–700.

⁴¹ А.А. Крих, С.А. Мулина, *Польские конфедераты в Сибири*, „Известия иркутского государственного университета”, серия „Политология. Религиоведение”, 2012, № 2, с. 15.

⁴² ПСЗРИ, С.-П. 1830, т. 19, № 14.095, 10 I 1774, с. 889.

⁴³ K. Lubicz Chojecki, *Pamięć dzieł...*, с. 89.

собранного в Варшаве сейма⁴⁴. Амнистия не распространялась на конфедератов, перешедших в православие. Подобный подход был свойственен и по отношению к пленным русско-турецкий войн⁴⁵. Из действия амнистии также исключались наиболее опасные, с точки зрения властей, бунтовщики (молодой Пулавский, содержащийся в Казани, конфедераты, которые „кроме мятежничества своего оказались виновными частно сами по себе в разных злодействах и преступлениях”, сосланные на каторгу, замешанные в краковском заговоре), а также полезные на окраинах империи кадры (находящиеся при нерчинских сереброплавильных заводах и в других местах на военной службе). Точное число вернувшихся неизвестно. Из упомянутых в биографическом словаре „Барские конфедераты в Западной Сибири” 1910 пленных менее 10 % получили в 1773 г. разрешение отправиться на родину. Но не все воспользовались этой возможностью, некоторых авторы словаря обнаружили в Сибири и в более позднее время⁴⁶.

Сворачивание амнистии, видимо, было связано с социальными волнениями, вошедшие в историю как Пугачёвщина. Законодательная практика этого периода выразилась в отдельных указах, призванных укрепить лояльность конфедератов к российской власти и предупредить их переход на сторону восставших⁴⁷. Правительство полагало, что бунт инспирирован внешними врагами (Польшей, Турцией, Францией или Швецией), чтобы помешать действиям России в Польше и Причерноморье. Князь Орлов полагал, что державы сделали ставку на татар и другие народы, проживавшие вокруг Казани, а также находившихся здесь многочисленных ссыльных конфедератов⁴⁸. Войсковое начальство опасалось

⁴⁴ ПСЗРИ, С.-П. 1830, т. 19, № 14.038, 10 IX 1773, с. 821.

⁴⁵ В связи с окончанием русско-турецкой войны 1735–1739 гг., императрица Анна Иоанновна даровала 16 марта 1740 г. турецким военнопленным возможность вернуться домой, за исключением тех, кто принял православие. Так же поступила Екатерина II в отношении пленных русско-турецкой войны 1768–1774 гг. См. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области», Тюменская воеводская канцелярия, ф. И47, оп. 1, д. 3148, л. 3; ПСЗРИ, С.-П. 1830, т. 20, № 14.238, 30 I 1775, с. 18–19.

⁴⁶ Например: Антоний Аремковский, Михаил Василевский, Антоний Дубровский, Ендрей Манковский, Фёдор Чеповский, Францишек Янковский. См. А.А. Крих, С.А. Мулина, А. Данильчик, *Барские конфедераты в Западной Сибири: библиографический словарь*, Санкт-Петербург 2020, с. 32, 78–79, 185, 351–352, 614–615, 661.

⁴⁷ См. S.A. Mulina, *Jeńcy-konfederaci w perspektywie rosyjskich problemów i konfliktów socjalnych*, в: *Konfederacja barska 1768–1772*, ред. А. Danilczyk, Warszawa 2018, с. 113–124.

⁴⁸ Дж.Т. Александер, *Российская власть и восстание под предводительством Емельяна Пугачева*, Уфа 2012, с. 82.

измены пленных и предпочитало отвести их подальше от боевых действий. Не доверял полякам и командующий сибирским корпусом И.А. Деколонг, ранее участвовавший в боевых действиях русского экспедиционного корпуса против конфедератов. Он предложил всем начальникам военных частей, расположенных по сибирской пограничной линии, „иметь неослабное примечание над состоящими в здешних местах конфедератами, отобрав от них ружья и патроны”⁴⁹. Укрепить верность конфедератов также пытались обещанием возвратить пленных в отечество, если они, будучи в крепостях, „верно и прилежно” послужат⁵⁰. Однако после подавления волнений амнистии конфедератам не последовало.

Дальнейшее законотворчество в отношении польских военнопленных приходится на первую половину 1780-х гг. Действия властей в этот период были ориентированы на дальнейшую инкорпорацию пленных в сословную структуру Российского государства, что согласуется с духом проводившихся в то время реформ, направленных на правовое оформление сословной структуры империи. Именным указом, данным Сенату 28 июля 1781 г., конфедераты, принявшие православие и отданные в вечное услужение разным помещикам, вместе с женами (даже если они были женаты на крепостных женщинах) и с детьми, объявлялись свободными. Они могли избрать „такой род жизни, какой захотят на пользу общую и для своего собственного пропитания”⁵¹. В ноябре 1781 г. этот указ был распространен на всех польских пленных, какой бы они веры ни были⁵². Некоторые историки восприняли этот закон как очередную амнистию, объявив, что 1781 год стал для конфедератов концом неволи⁵³. Но в тексте указа идет речь не о разрешении покинуть Сибирь, а лишь об освобождении пленных, оказавшихся в крепостной зависимости. Одновременно власти продолжают склонять конфедератов к перекрещиванию. Появились два сенатских указа, определяющие источник выплат для конфедератов, перешедших в православие. Указ от 19 октября 1781 г. позволял Тобольской губернской канцелярии выдавать пленным конфедератам, туркам и татарам, принявшим православие, кормовые деньги из суммы, принадлежащей Московскому остаточному

⁴⁹ А.И. Дмитриев-Мамонов, *Пугачевщина в Сибири: очерк по документам экспедиции генерала Деколонга*, Москва 1898, с. 133–134.

⁵⁰ Российский государственный архив древних актов, Канцелярия оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа, ф. 1100, кн. 4, л. 118.

⁵¹ ПСЗРИ, С.-П. 1830, т. 21, № 15.198, 28 VII 1781, с. 211.

⁵² Там же, 19 XII 1781 г., № 15.282, с. 309–310.

⁵³ A. Kraushar, *Konfederaci barscy...*, с. 13.

казначейству⁵⁴. Указ от 8 апреля 1785 г. предусматривал выплату подобного вознаграждения из экстраординарной суммы⁵⁵.

Амнистия появилась лишь при Павле I, 29 ноября 1796 г. Она была направлена на ссыльных участников восстания Тадеуша Костюшко и практически не коснулась барских конфедератов. В тексте амнистии не упоминались военнопленные, свобода была обещана „попавшим под наказание, заточение и ссылку по случаю бывших в Польше замешательства”⁵⁶. Архивные документы также не зафиксировали ни усилий сибирских властей в поиске и отправке конфедератов на родину, ни какого бы то ни было их оттока из Сибири. Иное дело представляла амнистия Александра I от 15 июля 1802 г., коснувшаяся „нижних чинов и рядовых, взятых во время Польского замешательства в плен и в службу поступивших”. Эта формулировка позволяла распространить царскую милость на конфедератов. Было предписано уволить пленных от службы и предоставить каждому из них возможность возвратиться на прежнее место жительства, не запрещая, однако же желающим продолжить службу в России⁵⁷. В 1804 г. был объявлен указ, позволяющий пленным возвращаться в отечество за государственный счет. Пожелавших вернуться на родину следовало собирать в Тобольске и отправлять с паспортами малыми партиями от пяти до пятнадцати человек с выдачей „кормовых” и „прогонных” денег⁵⁸. В этом же году выходит еще одно важное дополнение: польским пленным, женившимся на местных уроженках и имеющим детей, разрешили брать с собой семью, причем на жен и детей так же выдавались прогонные деньги. Интересно, что спустя два десятка лет, объявив амнистию военнопленным участникам наполеоновских походов, Александр I поступит по-другому, позволив возвратиться только холостым пленным, а женатым – лишь в случае, если они не имели детей, а жены были согласны на переезд⁵⁹.

Одновременно сибирская администрация демонстрировала свою заинтересованность в том, чтобы бывшие пленные оставались в Сибири. Генерал-губернатор И.О. Селифонтов указывал в 1804 г., что не следует подталкивать поляков к переселению⁶⁰. Министр внутренних дел граф В.П. Кочубей более точно описал юридический статус остающихся

⁵⁴ ПСЗРИ, С.-П. 1830, т. 21, № 15.263, 19 X 1781, с. 294–295.

⁵⁵ Там же, т. 22, № 16.176, 24 IV 1785.

⁵⁶ Там же, т. 24, № 17.585, 29 XI 1796, с. 21.

⁵⁷ Там же, т. 27, № 20.330, 15 VII 1802, с. 192–193.

⁵⁸ ГУТО ГАТ, Тобольское губернское правление, ф. 329, оп. 13, д. 193, л. 6.

⁵⁹ См. С. Мулина, *Повесть о восьми трубачах...*, с. 81.

⁶⁰ ГУТО ГАТ, Тобольское губернское правление, ф. 329, оп. 13, д. 130, л. 4.

в Сибири поляков: „всякий из иностранцев, остающихся в российское вечное подданство, должен избрать себе род жизни и по званию, в какое причислен, нести повинности. А потому те из польских пленных, кои были причислены в оклады и не пожелали возвратиться восво-яси, должны в тех окладах и остаться”⁶¹.

Количество конфедератов, воспользовавшихся амнистией Александра I, неизвестно. Сохранились сведения о том, что 19 ноября 1804 г. группа из десяти конфедератов, возвращающихся в свое отечество, проследовала через Пермь в Казань; а 27 июля 1807 г. из Тобольска была отправлена на родину партия польских военнопленных, куда вошли ранее проживавшие в Ялуторовском округе Михайло Дробина, Андрей Тыневич, Ян Каминский и Петр Маевской⁶². Гораздо больше зафиксировано случаев, когда бывшие конфедераты отказывались от возвращения в отечество, мотивируя свое решение наличием семьи и преклонным возрастом⁶³.

Таким образом, первоначальное отношение имперских властей к конфедератам опиралось на опыт ссылки польских военнопленных XVII в. Дальнейшая законодательная практика пошла по пути правовых норм, выработанных на примере пленных турок и татар. Попытки уравнивать права пленных стали следствием формирующейся тенденции к унификации и универсальности имперского управления. В 1768–1772 гг. правовые практики в отношении конфедератов формировались под влиянием внешней политики России в польском вопросе. Однако дипломатические переговоры проводились в глубокой тайне. Поэтому изменение позиции Петербурга по вопросу раздела не отражалось напрямую на положении военнопленных. Более того, сложность польского вопроса тормозила оформление правовой основы плена конфедератов. В дальнейшем законотворчестве по отношению к польским пленным можно выделить два периода активности, 1773–1775 и 1781–1785 гг., которые приходятся соответственно на всплеск социальных волнений и последующих административно-управленческих реформ в государстве. Правовые новшества (за исключением амнистии 1773 г.) были направлены на инкорпорацию пленных в социальную структуру империи. В целом, анализ трансформации правового статуса конфедератов позволяет говорить, что власти рассматривали их как военнопленных, а не политических ссыльных. Влияние на правовое положение

⁶¹ Там же, л. 134.

⁶² Там же, л. 128.

⁶³ Например, см. А.А. Крих, С.А. Мулина, *Польские конфедераты...*, с. 19.

конфедератов логики внутреннего развития империи может свидетельствовать о том, что польский вопрос превращается из внешнеполитического во внутригосударственное дело. Лишь Александр I, объявив широкую амнистию, попытался придать польскому вопросу международное звучание и тем самым сделать шаг на пути к Европе.

Светлана Мулина, кандидат исторических наук, доцент Омского государственного технического университета, автор работ, посвященных пребыванию поляков в Сибири во второй половине XVIII – начале XX вв., в том числе монографии *Migranci wbrew swej woli. Adaptacja zesłanych powstańców styczniowych na Syberii Zachodniej* (Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2017). Стипендиат Центра польско-росийского диалога и согласия в Варшаве, в 2014–2019 гг. участвовала в исследовательском проекте Национальной программы развития гуманитарных наук «Польские ссыльные в Западной Сибири во второй половине XVIII–XIX вв. в глазах россиян и коренных народов Сибири» (руководитель проекта: проф. Веслав Цабан).

Swietłana Mulina, kandydat nauk historycznych, docent Omskiego Państwowego Uniwersytetu Technicznego, autorka prac poświęconych pobytowi Polaków na Syberii w drugiej połowie XVIII – początku XX w., w tym monografii *Migranci wbrew swej woli. Adaptacja zesłanych powstańców styczniowych na Syberii Zachodniej* (Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2017). Stypendystka Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia w Warszawie, w latach 2014–2019 uczestniczyła w projekcie badawczym Narodowego Programu Rozwoju Humanistyki „Polscy zesłańcy na Syberii Zachodniej w drugiej połowie XVIII wieku – XIX wieku w oczach Rosjan i ludności syberyjskiej” (kierownik projektu: prof. Wiesław Caban).

Svetlana Mulina, candidate of historical sciences, associate professor at Omsk State Technical University, author of works devoted to the stay of Poles in Siberia in the second half of the 18th – early 20th centuries, including the monograph *Migranci wbrew swej woli. Adaptacja zesłanych powstańców styczniowych na Syberii Zachodniej* [Migrants Against Their Will. Adaptation of Exiled January Insurgents in Western Siberia] (Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2017). A scholarship holder of the Centre for Polish-Russian Dialogue and Understanding in Warsaw, she participated in the research project of the National Programme for the Development of the Humanities “Polish exiles in Western Siberia in the second half of the 18th–19th century in the eyes of Russians and indigenous peoples of Siberia” from 2014 to 2019 (project leader: Prof. Wiesław Caban).